

Лагерлеф Сельма

**Святая ночь. Видение
императора. Колодец
мудрецов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С29

С29 **Сельма Л.**
Святая ночь. Видение императора. Колодец мудрецов / Лагерлеф Сельма – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 52 с.

ISBN 978-5-519-92239-5

ISBN 978-5-519-92239-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

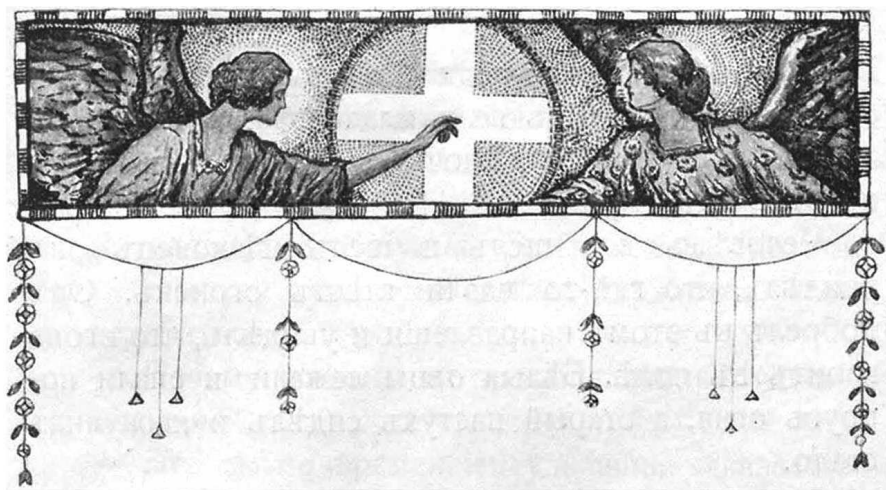
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Святая ночь.

Былъ сочельникъ, и всѣ уѣхали въ церковь, кромѣ бабушки и меня. Кажется, мы были однѣ въ цѣломъ домѣ. Насъ не взяли, потому что одна была слишкомъ мала, а другая — слишкомъ стара. И намъ обѣимъ было досадно, что мы не могли поѣхать ко всенощной и посмотреть, какъ будутъ зажигать рождественскія свѣчи.

Мы сидѣли въ одиночествѣ, и бабушка начала рассказывать.

— Былъ однажды человѣкъ, — сказала она, — который пошелъ темной ночью попросить огня. Онъ переходилъ отъ избы къ избѣ и стучался. „Добрые люди, помогите мнѣ! — говорилъ онъ. —

Жена моя только что родила, и я долженъ развести огонь, чтобы согрѣть ее и младенца“.

Но была глубокая ночь, и всѣ спали. Никто не отвѣчалъ ему.

Человѣкъ все шелъ и шелъ. Наконецъ онъ увидѣлъ, что гдѣ-то вдали тлѣетъ огонекъ. Онъ побрелъ въ этомъ направленіи и увидѣлъ, что огонь горитъ въ полѣ. Бѣлыя овцы лежали и спали вокругъ огня, а старый пастухъ сидѣлъ и караулилъ стадо.

Когда человѣкъ, которому нужно было огня, подошелъ къ овцамъ, онъ увидѣлъ, что три большія собаки спали у ногъ пастуха. Онѣ проснулись всѣ три, когда онъ подошелъ, и открыли свои широкія пасти, какъ будто хотѣли залаять, но не слышно было ни звука. Человѣкъ видѣлъ, что шерсть встала дыбомъ на ихъ спинахъ, видѣлъ, какъ ихъ острые бѣлые зубы ослѣпительно сверкаютъ при свѣтѣ огня, и что онѣ бросаются на него. Онъ чувствовалъ, что одна вцѣпилась ему въ ногу, другая — въ руку, а третья повисла на его горлѣ. Но челюсти и зубы, которыми онѣ хотѣли его грызть, не повиновались имъ, и человѣкъ нимало не пострадалъ.

Тогда человѣкъ рѣшилъ итти дальше, чтобы получить то, что ему было нужно. Но овцы лежали такъ тѣсно другъ возлѣ друга, спина къ спинѣ,

что онъ не могъ пробраться между ними. Тогда человѣкъ взлѣзъ на спины животнымъ и по нимъ дошелъ до огня. И ни одна овца не проснулась и не пошевелинулась“.

До сихъ поръ бабушка рассказывала, не останавливаясь, но тутъ я не могла удержаться, чтобы не перебить ее.

— Почему же онъ не просыпались, бабушка?—спросила я.

— Это ты со временемъ узнаешь,—сказала бабушка и продолжала свой рассказъ.

„Когда человѣкъ подошелъ довольно близко къ огню, пастухъ поднялъ голову. Это былъ старый, сердитый человѣкъ, грубый и жестокий ко всѣмъ людямъ. И видя, что идетъ чужой, онъ схватилъ длинный острый костыль, который держалъ обыкновенно въ рукахъ, когда гонялъ свое стадо, и бросилъ имъ въ пришедшаго. И костыль, свистя, полетѣлъ прямо въ человѣка, но, не долетѣвъ, повернулъ въ сторону, пролетѣлъ мимо и упалъ далеко въ полѣ“.

Когда бабушка рассказала до этого мѣста, я снова прервала ее.

— Бабушка, почему палка не захотѣла ударить человѣка?

Но бабушка не стала отвѣчать мнѣ, а продолжала свой рассказъ.

— И вотъ человѣкъ подошелъ къ пастуху и сказалъ ему: „Другъ, помоги мнѣ и позволь взять немного огня! Жена моя только что родила ребенка, и я долженъ развести огонь, чтобы согрѣть ее и младенца“.

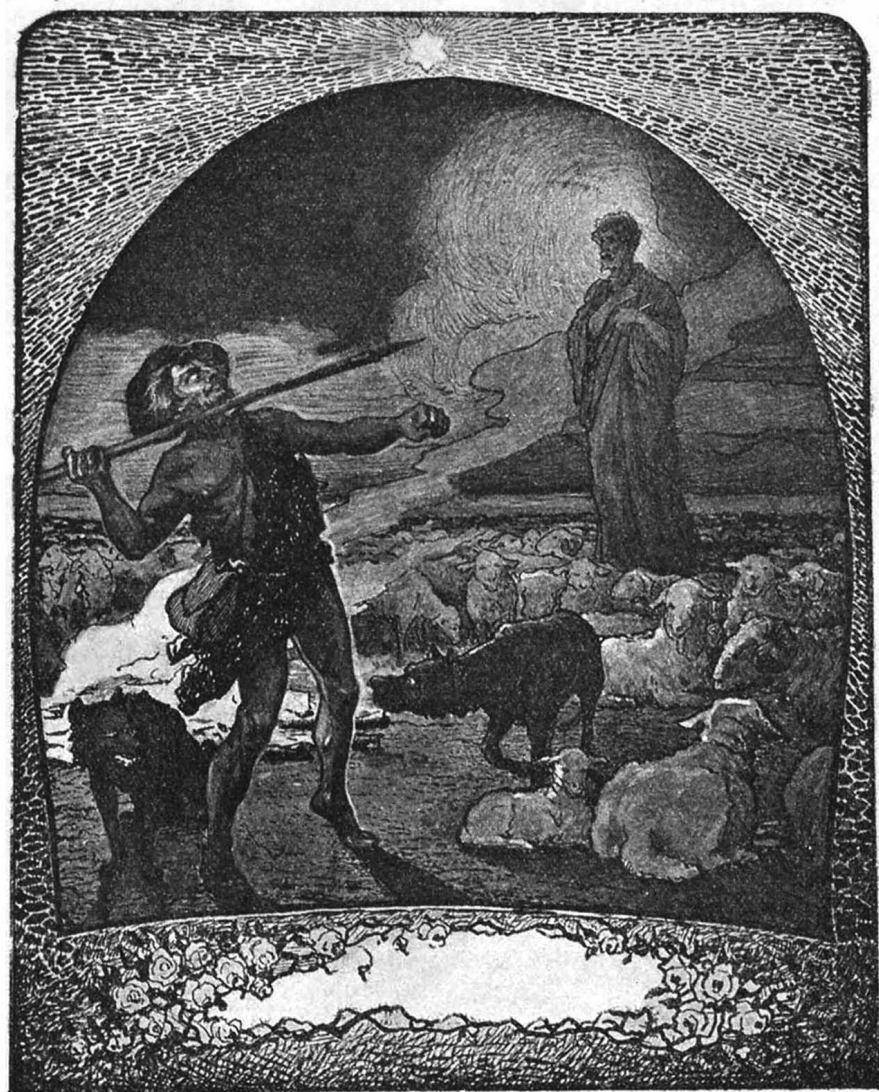
Пастухъ хотѣлъ было отказать ему, но, подумавъ, что собаки не могли повредить этому человѣку, что овцы не побѣжали отъ него, и что его палка не захотѣла ударить его, немного испугался и не посмѣлъ отказать ему въ томъ, чего онъ просилъ. „Возьми, сколько тебѣ нужно!“ сказалъ онъ человѣку.

Но огонь почти весь догорѣлъ. Не было уже ни полѣньевъ ни сучьевъ, а оставалась только большая раскаленная головешка, а у незнакомца не было ни лопатки ни совка, на которыхъ онъ могъ бы донести горячіе угли.

Увидя это, пастухъ снова сказалъ: „Возьми, сколько тебѣ нужно!“ и радовался тому, что человѣкъ не сможетъ унести съ собой огня.

Но человѣкъ нагнулся, вынулъ головешку голыми руками изъ золы и положилъ ее въ свой плащъ. И угли не обожгли его рукъ, когда онъ прикоснулся къ нимъ, не прожгли его плаща, и человѣкъ понесъ ихъ, какъ будто это были орѣхи или яблоки“.

Но тутъ я перебила рассказчицу въ третій разъ.

— Бабушка, почему же угли не обжигали человека?

— Это ты сейчас услышишь,—сказала бабушка и стала рассказывать дальше.

„Когда этот пастухъ, который былъ такой гадкій и злой человекъ, увидѣлъ все это, то началъ дивиться про себя: „Что же это за ночь, когда собаки не кусаются, овцы не пугаются, костыль не убиваетъ, и огонь не жжетъ?“ Онъ кликнулъ назадъ пришельца и сказалъ ему: „Что это за ночь? И почему это всѣ существа и вещи оказываютъ тебѣ милосердіе?“

Тогда человекъ отвѣтилъ: „Я не могу сказать тебѣ этого, если ты самъ не видишь!“ И онъ хотѣлъ пойти своей дорогой, чтобы поскорѣе развести огонь и согрѣть свою жену и ребенка.

Тогда пастухъ захотѣлъ непременно разузнать, что все это могло значить. Онъ поднялся и пошелъ за нимъ, пока не дошелъ до мѣста, гдѣ тотъ жилъ.

Тутъ пастухъ увидѣлъ, что у человека не было даже дома для жилья, а жена его и ребенокъ лежали въ пещерѣ, гдѣ не было ничего, однѣ—голыя каменные стѣны.

И пастухъ подумалъ, что бѣдное невинное дитя, навѣрное, замерзнетъ въ этой пещерѣ, и хотя онъ былъ жестокій человекъ, но растрогался и за-

хотѣлъ помочь ребенку. И онъ снялъ мѣшокъ съ плечъ, развязалъ его, досталъ изъ него мягкую, бѣлую овечью шкуру, далъ ее незнакомому чело-вѣку и сказалъ, чтобы онъ уложилъ на нее ребенка.

Но какъ только онъ показалъ, что и онъ тоже можетъ быть сострадательнымъ, его глаза раскрылись, и онъ увидѣлъ то, чего раньше не могъ видѣть, и услышалъ то, чего раньше не могъ слышать.

Онъ увидѣлъ, что вокругъ него сплошнымъ кольцомъ стоятъ ангелочки съ серебряными крыльями. И каждый изъ нихъ держалъ арфу въ рукѣ, и всѣ пѣли громкими голосами, что этой ночью родился Спаситель, Который спасетъ міръ отъ его грѣховъ.

Тутъ онъ понялъ, чему всѣ твари такъ радовались въ эту ночь, что не хотѣли дѣлать ничего дурного.

И ангелы были не только возлѣ пастуха, но онъ видѣлъ ихъ повсюду. Они сидѣли въ пещерѣ, и сидѣли снаружи, на горѣ, и летали по небу. Они шли большими толпами по дорогѣ и, проходя, останавливались и бросали взглядъ на ребенка.

И было великое ликованіе, и великая радость, и пѣніе, и музыка, и все это увидѣлъ онъ въ

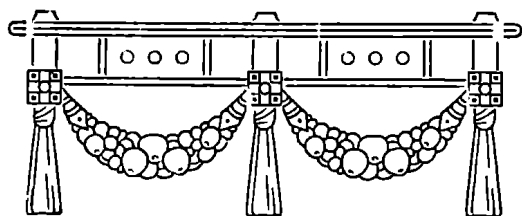
темную ночь, въ которой раньше не могъ ничего замѣтить. Онъ такъ обрадовался тому, что глаза его раскрылись, что упалъ на колѣни и сталъ благодарить Бога“.

Дойдя до этого мѣста, бабушка вздохнула и сказала:

— Но то, что видѣлъ пастухъ, могли бы видѣть и мы, потому что ангелы слетаютъ съ неба каждую рождественскую ночь, только глаза наши не могутъ различать ихъ.

И бабушка положила руку на мою голову и сказала:

— Помни это, потому что это такая же правда, какъ то, что я вижу тебя, а ты видишь меня. Дѣло не въ свѣчахъ и не въ лампахъ, и не важно, свѣтитъ ли солнце или луна, а нужно, чтобы у насъ были такіе глаза, которые могли бы видѣть величіе Божіе.

Видѣніе императора.

Э то было въ то время, когда Августъ былъ римскимъ императоромъ, а Иродъ царствовалъ въ Іерусалимѣ.

Тогда случилось однажды, что необычайно великая и святая ночь спустилась на землю. То была самая темная ночь, какую кому-либо доводилось видѣть, и можно было подумать, что весь земной шаръ провалился въ какой-нибудь огромный подвалъ. Невозможно было отличить воду отъ земли, и немыслимо найти даже самую знакомую дорогу. Да иначе и не могло быть, потому что съ неба не доходило ни единого луча свѣта. Всѣ звѣзды остались по своимъ домамъ, а ласковая луна отвратила свое лицо.